

ИСТОРИЯ КОМУЧА: ОПЫТ НЕСОВЕТСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Вопросы истории первых послереволюционных лет вновь и вновь оказываются в центре внимания историков и политиков. Изучение социально-политических процессов в России начала XX века позволяет увидеть варианты альтернативных путей развития страны. В этой связи особый интерес представляет недолгая и трагическая история существования Комитета членов Учредительного собрания (Комуча).

Революционные события 1917-1918 годов привели к тому, что Российская империя распалась и оказалась разделенной между многими правительствами. Большевицкое правительство не было единственным в стране. Одним из крупнейших в стране стало созданное в Самаре 8 июня 1918 года, после захвата города чехословацким военным корпусом, правительство Комуч. Именно Комуч декларировал восстановление демократических свобод в стране. Изучение его деятельности позволяет сравнить, как соотносились политические декларации и практические действия, оказавшись под влиянием объективных условий гражданской войны.

Летом 1918 года в результате вооруженного выступления чехословацкого корпуса возникли благоприятные условия для складывания антибольшевистской коалиции. При поддержке чехословаков образовалось два антибольшевистских правительства - Самарское и Омское. Комитет членов Учредительного собрания (Комуч) образовали эсеры. Исполнительную власть Комуч вручил Совету управляющих (министров), который издавал декреты и распоряжения по ведомствам (министерствам). Важнейшие из них утверждались всем составом Комуча, в который вошло к сентябрю около 70 членов Учредительного собрания, т.е. менее 10% его состава. Однако не только не сложилась коалиция всех антибольше-

вистских сил, но и в среде самих эсеров начались разногласия. Появление на свет Комуча вопреки плану создания Директории привело к расколу в эсеровской верхушке. Правые лидеры во главе с Авксентьевым, игнорируя Самару, направились в Омск, чтобы оттуда готовить создание общероссийского правительства на основе коалиции взамен чисто эсеровского Комуча.

Комуч объявил себя временной верховной властью впредь до созыва Учредительного собрания и создания Всероссийского правительства и призвал другие правительства признать его государственным центром [1]. Однако Сибирское и другие областные правительства отказались признать за Комучем права общенационального центра, расценив его как партийную эсеровскую власть. Установление демократического порядка Комучу пришлось ограничить в основном территорией Самарской губернии. Конкретной программы демократических преобразований эсеровские лидеры не имели. Сами члены Комуча и ЦК партии эсеров признавали, что много уделялось внимания борьбе с большевизмом, но партией было очень мало сделано для разработки своей конкретной творческой деятельности во всех областях жизни. Не было даже определенного отношения к декретам большевиков - отменять ли их все, в случае прихода Комуча к власти, или только исправить. И не были решены вопросы о хлебной монополии, о национализации и муниципализации, о принципах организации армии, о финансовой политике и другие [2].

Лидеры Комуча заявляли, что их программа была далекой и от социалистических экспериментов советской власти, и от реставрации прошлого [3]. Комуч приказом от 12 июня 1918 года денационализировал все банки, захваченные большевиками. Управляющий ве-

домством труда И.М. Майский заявил о поддержке проводимой денационализации предприятий и необходимости поддерживать личную инициативу предпринимателей, хотя специальная комиссия по денационализации промышленных предприятий объявила, что возвращение имущества насильственным порядком также недопустимо, как первоначальный захват его, и будет пресекаться самым строгим образом. Предприятия, национализированные большевиками, временно передавались земским управам до выработки порядка и способов возвращения их владельцам. Вместе с тем, в целях борьбы с экономической разрухой Комуч объявил 7 июля незаконными локауты промышленников как меру борьбы с рабочими, угрожая военным судом для виновных. Признавалось, что рабочие также имеют право требовать от государства социальных реформ, гарантирующих их от чрезмерной эксплуатации [4]. В этих целях ведомство труда провело в законодательном порядке 8-часовой рабочий день, ограничение женского труда и запрещение детского, учреждение касс безработных, запрещение массового увольнения [5]. В области аграрной политики Комуч ограничился заявлением о незыблемости десяти пунктов земельного закона, принятого Учредительным собранием. А в Декларации 24 июля подтвердил, что земля бесповоротно перешла в народное достояние и никаких попыток возврата ее в руки помещиков Комитет не допустит. Являясь противниками частной собственности на землю, лидеры Комуча запретили сделки купли-продажи и залоги на землю сельскохозяйственного значения, а тайные и фиктивные сделки объявили недействительными [6].

В области внешней политики главной стратегической целью объявлялось продолжение войны в рядах Антанты. В конце июля представителям союзных держав Комуч передает ноту, считая, что восстановление военных действий со стороны России против центральных держав окажет существенную помощь делу борьбы союзников на западном

фронте. Комуч приветствовал поддержку со стороны союзников как непосредственным участием на фронте союзнических сил, так и усилением армии военнотехническими средствами. Брестский мир был объявлен предательством по отношению к России, а большевики, пособниками немцев. Оговаривалось, что помощь союзников не может повлечь за собой территориальной или иной компенсации за счет федеративной России. Войска союзников должны были использоваться в России с целью борьбы с внешним врагом. Исключение составляли лишь те случаи, когда народ в лице Комуча «призовет их для участия в борьбе внутренней». Но подобные обещания сами по себе ничего не решали. Фактически лидеры Комуча провоцировали интервенцию. Это была опасная позиция.

Опора на западную военную помощь была одним из крупнейших стратегических просчетов демократии. Действия демократов выглядели в итоге как антинациональные, что, вполне разумно, использовали большевики в своей пропаганде. Это признало в июле 1920 года и внепартийное объединение эсеров, куда вошли и члены Комуча Брушвит, Лазарев и другие, собравшиеся в Париже. Они отказались от прежней стратегии, считая, что хотя «решительная борьба с большевизмом совершенно неотложна и обязательна», борьба эта должна быть делом самого русского народа и всяческое вооруженное вмешательство иностранных держав в эту борьбу - явление совершенно недопустимое. Лидеры эсеров теперь выступали против раздела России, против интервнионистской политики всей Антанты [7].

Комуч провел перевыборы в органы городского самоуправления на основе всеобщего избирательного права. Правда, полной свободы предвыборной агитации, которой эсеры добивались на советской территории, также не было: права агитации были лишены большевики и монархисты. Почти везде выборы дали большинство социалистическому блоку. Советы рабочих депутатов продолжали существовать как профессиональные орга-

низации рабочих и были лишены функций власти. Волостные же советы были обязаны немедленно сдать все дела волостным земским управам, избранным по законам Временного правительства.

Росло недовольство населения политикой Комуча. В ответ начались репрессии, вплоть до применения оружия. Были случаи расправы с «реакционными» заговорами, а также с выступлениями «рабочих, поднятых большевиками». Однажды была даже обстреляна артиллерийским огнем деревня, отказавшаяся от набора в Народную армию новобранцев [8]. Заявления Комуча о продолжении войны с Германией до победного конца приходили в столкновение с настроениями широких народных масс - бывшие солдаты, демобилизованные ленинским правительством, вообще воевать не хотели. В итоге курс Комуча лишал его поддержки как народа, так и либеральной демократии, а затем предопределил и недоверчиво-враждебное отношение к нему буржуазных слоев и офицерства. Росло количество недовольных и в среде самой революционной демократии.

Летом 1918 года подчиненная Комучу территория простиралась от Волги до Урала. Составив правительство Комитета членов Учредительного Собрания, правые эсеры и меньшевики, выступавшие ранее в Советах в роли «демократической оппозиции», начали теперь осуществлять политику не менее, а еще более жесткую, чем большевики в Советской России. Большевистская партия фактически оказалась вне закона. Состоявший почти исключительно из правых эсеров Комуч 12 июля постановил: «Признать недопустимым вхождение в состав Комитета членов Учредительного Собрания большевиков и левых эсеров как партий, отвергших Учредительное Собрание» [9]. Списки для выборов в думы и земства были составлены таким образом, что только 4 из 11 включали кандидатов даже из мелкобуржуазных слоев. Рабочие фактически не могли быть избранными вовсе [10]. Несмотря на существование местных муниципальных органов управления, всей полнотой власти обладали

назначенные специальные уполномоченные. Они имели право приостанавливать исполнение всех распоряжений местных властей, отстранять от должности, заключать под стражу и закрывать собрания и съезды, обращаться к содействию военных властей.

Вот как описывал впоследствии обстановку в Самарской республике министр Комуча, тогда меньшевик И. М. Майский в своей книге «Демократическая контрреволюция»: «В это время сотни большевиков уже сидели в тюрьмах, большевистской прессы не существовало, свобода слова и собраний для большевиков была уничтожена. В руках эсеров и меньшевиков находились все легальные средства воздействия на массы... Мера демократии в каждой стране определяется мерой свободы, предоставляемой не друзьям, а врагам существующего политического и общественного строя. Ни одной коммунистической газеты не издавалось. Большевики-интернационалисты сделали, было, попытку выпускать в Самаре еженедельник «Свободное слово»... Она была закрыта на 2-м номере. В Самаре число заключенных доходило до 2000, в камерах на 20 человек сидело до 60-80. Порка рабочих на Уральских заводах розгами. Порка офицерами крестьян и эсеров, посланными в деревенские районы для урегулирования столкновений, возникших в связи с мобилизацией. Обстреливали деревни артиллерийским огнем» [11].

Однако лидеры Комуча сознавали, что удержаться у власти на одних штыках невозможно. Чтобы расширить влияние на массы и показать себя «сторонниками демократии», они вновь обратились к созыву беспартийных конференций. Вначале было принято решение организовать под знаменем Комуча самарских рабочих. Первую такую беспартийную конференцию назначили на 17 июня. По замыслу властей, она должна была продемонстрировать поворот масс от большевизма к демократии эсеро-меньшевистского блока. Именно поэтому меньшевики и эсеры стремились вовлечь в работу беспартийной конференции как

можно больше участников. Большевики же, перешедшие на нелегальное положение, вновь колебались – принимать им участие в конференции или нет. Как вспоминал об этом один из рабочих Самары, «классовый инстинкт подсказал негодующим элементам, что им надо быть осторожнее» [12]. В итоге решили пойти на конференцию под флагом «беспартийных левых».

Первые же заседания конференции показали, что уровень демократизма в Советской России оказался выше, чем на территории Комуча. Конференции в Петрограде и Собрания уполномоченных в ряде городов могли, например, открыто выносить резолюции, направленные против Советов, в поддержку Учредительного Собрания и т.д. Аресты делегатов и роспуски конференций начались лишь тогда, когда встал вопрос об организации Всероссийской политической забастовки. В Самаре же левая оппозиция с самого начала действовала с величайшей осторожностью - за агитацию против Комуча грозил немедленный арест.

На самой конференции большевики повели агитацию против мобилизации в Народную Армию. «Мы не пойдем на гражданскую войну и сыновей своих не отдадим, - заявляли «беспартийные левые», - нас при Николае гнули и теперь хотят гнуть» [13]. Левое крыло не скрывало симпатий к Советской власти и отрицательного отношения к Комитету членов Учредительного Собрания. Однако выносить резолюцию подобного содержания для делегатов было опасно. Они смогли только поднять вопрос о начавшихся арестах в рабочей среде со стороны чехословацких военных властей [14]. Выступления «левых» получили горячую поддержку всех рабочих делегатов.

Представитель Комуча полукадет-полуменьшевик Шолтович пытался объяснить аресты чехословаками тем, что у правительства нет «вооруженной силы», но если бы она и была, то воевать с чехословаками правительство Комуча «не собирается» [15]. Лидер учредильцев В. К. Вольский заявил, что Самара – «бли-

жайший тыл, и поэтому здесь будет под-держиваться военная предусмотрительность» [16].

Когда «левые» стали демонстративно уходить с конференции, значительная часть делегатов также покинула зал. Более того, было принято общее решение создать исполнительный комитет по восстановлению Совета рабочих депутатов, разогнанного Комучем. Из 80 наказов рабочих, поданных в президиум, только 28 поддерживали политику Комуча, остальные были против, а 14 открыто выступили «за советскую власть». Около трети делегатов проголосовало за резолюции «беспартийных левых». В итоге хладнокровие совершенно покинуло представителя власти В. К. Вольского и, потрясая кулаками, он кричал, что «кому не нравится новая власть, могут убраться в Советскую республику, которая им так нравится, или должны подвергаться воздействию существующих законов и распоряжений» [17]. Следующая, Вторая рабочая беспартийная конференция, созванная в июле 1918 года, показала еще больший провал властей. На первом же заседании встал вопрос об аресте 22 июня трех делегатов первой рабочей конференции. Выдвигалось требование ввести в следственную комиссию Комуча рабочих, избранных на конференции. В ответ представители Комуча заявили, что «всякое выступление против существующей власти будет беспощадно подавляться» [18].

В ходе конференции были приняты предложенные «левыми» резолюции против свободных цен, за государственную монополию торговли. Около половины делегатов высказалось против создания Народной Армии, так как рабочие не хотели «биться со своими братьями и защищать власть буржуазии». В результате от речей о благе народа, посулов и обещаний представители властей перешли к открытым угрозам. На заседании 15 июля член Комуча В. И. Лебедев кричал из президиума, что «тех, кто не хочет идти с нами, а думает о посылке делегации к своим друзьям по ту сторону фронта, предупреждаю: пусть они берегутся.

Мы не шутим, железной рукой мы заставим подчиниться, а кто будет упорствовать, те будут нами беспощадно уничтожаться до конца» [19]. Речь встретили аплодисментами присутствующие на конференции меньшевики, а рабочие протестовали. Часть возмущенных делегатов покинула зал заседаний и собралась на совещание во дворе.

Но находились и точки соприкосновения властей и оппозиции. Так, 2 августа конференция заслушала доклад о положении в Оренбурге, в котором даже представитель Комуча с возмущением говорил, что большевистский террор заменен здесь диктатурой верхов казачества, идеологом которых являлся атаман Дутов. Первым же шагом победителей стало наложение контрибуции на рабочих города, причем даже на тех, которые еще при Советской власти определенно высказались за Учредительное Собрание. Были отняты были свобода стачек, собраний, печати. Первые действия новой администрации показали и то, что она не является «проводником идеи Учредительного собрания», а наоборот, дискредитирует его всеми своими мерами. В Оренбурге и Сибири наступила настоящая реакция – таким оказался вывод официального докладчика. Когда же обсуждалось предложение о создании социалистического блока против реакции, левые впервые голосовали за резолюцию властей [20].

Так наметилась, пусть слабая, но некая возможность создания единого фронта левых сил против реакционной диктатуры, поднимавшей голову в Заволжье и Сибири. Однако попытка создания блока так и осталась таковой. Партия Комуча оказалось легче закрыть глаза на репрессии белочехов, преследования печати, террор, аресты рабочих и обстрелы деревень, осуществляемые атаманом Дутовым, чем сделать шаг навстречу большевикам. Гражданская война разгоралась с новой силой.

В Самаре власти, не получившие послушного большинства после двух конференций, впредь отказались от их созыва. Но предпринимались попытки

проводить рабочие конференции в других городах на территории Комуча. Так, 7 августа 1918 года, после наступления белочехов и учредильцев, по инициативе меньшевиков такая беспартийная конференция была созвана в Казани. Но она не оправдала надежд организаторов. Симпатии рабочих оказались, по их словам, «на стороне побежденных, а не победителей». В итоге конференция завершилась арестами нескольких рабочих делегатов, агитировавших против Учредительного Собрания [21].

И неудивительно, что такая агитация и не только большевиков находила все больший отклик, так как даже меньшевики признавали, что начало правления учредильцев сопровождалось кровавым террором. Расстрелы производились прямо на улицах, трупы лежали неубранными, действовали чрезвычайные органы чехословаков [22]. Да и аресты самих делегатов беспартийной конференции представители Комуча так объясняли в газете «Рабочее дело»: «Власть, исходящая от всенародного голосования, никаких требований от частных групп населения не принимает и впредь отнюдь не допустит, не останавливаясь для этого перед мерами строгости. Что касается арестов членов конференции, то члены совещания частных групп населения подлежат аресту на общих основаниях» [23]. Так рабочие оказались занесенными в частную группу населения, и над ними фактически были санкционированы внесудебные расправы.

Беспартийные конференции под эгидой Комуча показали, что найти поддержку новой власти в лице пролетариата не удалось. Делегаты - рабочие не только встречали сочувствием резолюции, направленные против Комуча, но и принимали решения восстановить местные Советы рабочих депутатов [24]. Это во многом объяснялось началом массовых репрессий. При этом учредильцы стали искать и новую социальную опору в массах, понимая, что одним насилием удержать власть невозможно. Именно крестьяне, по их мнению, должны были стать не только основными поставщика-

ми хлеба, но и солдат для формировавшейся Народной армии. Кампания по созыву беспартийных конференций крестьян готовилась тщательным образом – на это были брошены лучшие силы. Сначала прошли волостные, затем уездные беспартийные крестьянские конференции.

Лидеры Комуча, разумеется, призывали поддержать создание Народной Армии «для удержания завоеваний революции, закрепления земли, борьбы с Германией». Горячие дискуссии возникали на заседаниях по вопросу выполнения земельного закона. От имени властей, как правило, провозглашалось, что эсеры ни на шаг не отступят от земельного закона Учредительного собрания. Крестьяне, однако, сетовали на то, что земельный закон выполняется только на словах и требовали немедленного проведения его в жизнь. На конференциях и съездах нередко выступали даже приглашенные властями беженцы с Украины, рассказывавшие об издевательствах немецких войск над местными крестьянами и призывавшие к скорейшему созданию Народной Армии «для оказания помощи украинскому крестьянству». В заключение конференции и в самом деле принимали резолюции о принятии «за основу земельного закона» из десяти пунктов, провозглашенных Учредительным Собранием [25]. Но большинство крестьянских собраний показало их нежелание воевать против Советской власти.

Поэтому очень большие надежды Комуча связывались с Самарским беспартийным съездом, на него и были направлены лучшие ораторы учредильцев. Съезд собрался 16 сентября 1918 года. Из 20 волостей прибыли 230 делегатов. Беднота фактически не имела своего представительства - главную роль играли зажиточные крестьяне, и поэтому особенно показателен ход беспартийного съезда. Председатель губернского совета крестьянских депутатов при открытии съезда заявил от имени властей: «Раньше мы думали, что рабочие, пролетариат будет на высоте призвания, что он поддержит крестьянство в его борьбе с больше-

вистским рабством, но теперь все эти надежды рухнули. Теперь все надежды возлагаются на крестьянство, одно единственное здоровое ядро государственности» [26].

В выступлениях делегатов открылась картина чудовищных злоупотреблений власти Комуча на местах. В проведении мобилизации она пускала в ход нагайки, нельзя стало свободно говорить, в деревне развился шпионаж, доносы и аресты по доносам. Крестьяне жаловались, что арестовывают «за одно слово». Мобилизация шла успешно лишь в одной Грачевской волости, где при большевиках был избран Совет из «подонков общества, бравших поборы и все пропивавших» [27]. В других же волостях бесчинства войск, подчиненных Комучу, вызвали бурю негодования.

Принудительные мобилизации в Народную Армию приводили к кровавым столкновениям. Применялись массовые порки, издевательства над родителями, прятанными новобранцев, расстрелы. В ответ на сопротивление крестьян посылались карательные отряды. Проводились облавы на крестьян - большевиков, но часто безрезультатно, так как население считало их «честными крестьянами» [28]. Не желая вести «партийную войну», делегаты заявляли: «Борются Ленин, Троцкий, Дутов и Семенов, а крестьян посылают на смерть, первые сидят и командуют, а крестьяне гибнут». Делегаты съезда говорили, что воевать будут только с врагами, что «пусть расстреливают, брат на брата не пойдём» [29]. Специальных приглашенных ораторов, рассказывавших о зверствах большевиков, встречали с недоверием. Крестьяне требовали не войны с большевиками, а «объединения всех крестьян» [30].

Стремясь переломить ход съезда, от имени властей выступил правый эсер, один из лидеров Комуча П. Д. Климушкин. Он пытался внушить делегатам, что, борясь с большевиками, они борются с Германией и одна Народная Армия даст мир и гарантии владения землей. «Хотите землю – дайте нам армию!» - восклицал оратор. Но в первой же записке, по-

данной в президиум после столь пламенной речи, последовал вопрос: «нельзя ли заключить мир с большевиками?» [31]. Более того, делегаты призвали съезд просить учредительное Собрание войти в соглашение с большевиками и положить конец гражданской войне. Резолюция эсеров не собрала и половины голосов.

Нужно отдать должное официальному печатному органу власти – газете «Вестник Комуча», которая опубликовала подробнейшую информацию о съезде и стенограммы всех выступлений. И это в то время, когда настроения делегатов складывались явно не в пользу учредителей съезда. Кроме того, за короткое время «наглядную агитацию» против новой власти «как нельзя лучше» провели штыки и нагайки карательных отрядов, проводивших мобилизацию среди крестьян.

В мае 1918 года прошел VIII съезд партии эсеров. В качестве официального курса политики и тактики партии он определил замену власти большевиков «государственной властью, основанной на началах народоправства» [32]. И, надо сказать, составив правительство Комуча, правые эсеры во многом достигли «своей цели». О том, какое народоправство пришло на смену большевистской власти, ярко свидетельствует признание самих комучевцев в одном из докладов: «Народармейцы порют направо и налево. Не приходится удивляться тому, что крестьяне начинают рассуждать. Что, быть может, не будет и хуже, если придут большевики» [33].

Да и командное ядро Народной армии (вооруженных сил Комуча) придерживалось взглядов, не разделявших демократических идей Комитета [34]. Эсер П. Д. Климушкин признавал, что недовольство офицерства политикой Комуча начало выявляться с первых же дней движения. Причем не только в мелочах, но и в некоторых реальных действиях, угрожающих самому его существованию [35]. В офицерских кругах зрели заговоры. В результате они проводили свою политику, а не политику Комитета. В отчете в ЦК М.И. Веденяпин сообщал, что когда после взятия Симбирска Комуч

планировал нанести следующий удар на Саратов, он учитывал как антибольшевистские настроения крестьян ряда уездов Саратовской губернии, так и стратегическое положение войск. Но товарищ военного министра В.И. Лебедев, вопреки этому плану, объявил поход на Казань, чтобы оттуда «с победоносным войском войти в Москву», однако эта авантюра, несмотря на временные успехи, закончилась в итоге и общим военным крахом Комуча [36]. На фронте главную силу составляли чехословацкие легионы. Они же ослабляли сопротивление большевикам, видя, по словам самих эсеров, что русские, борющиеся с большевиками, в самый тяжелый исторический момент для их Родины не могут сговориться между собой и идти единым фронтом против их общего и единого врага, а борются между собой, ослабляя друг друга [37].

Если тот же Самарский Комуч хотел держать революцию на грани эсеровских требований, то Сибирское правительство в Омске стремилось назад от революции [38]. Против подобной политики выступило с протестом и само руководство Комуча. Тем не менее, агрессивная линия Омска выразилась и в таможенной войне, объявленной центру. Чехословацкий корпус и представители союзников не желали помогать множеству разобщенных антибольшевистских сил. Правительствам пришлось пойти на переговоры. Комуч, потерпевший поражения на поволжском фронте, вынужден был искать сближения с сибирским временным правительством. В итоге этого в Уфе было созвано Государственное совещание, которое создало «временную всероссийскую власть». В итоге 23 сентября 1918г. был избран состав Директории. Решение всех проблем вновь возлагалось на Учредительное собрание, которое намечалось собрать в ближайшее время - 1 января или 1 февраля 1919 г. Затем Директория внезапно переехала в Омск, где уже существовало сибирское правительство, что фактически вело к двоевластию. Эсеры - лидеры Комуча считали этот шаг роковым, ведущим демократию к пропасти, к гибели [39].

Вскоре был распущен относительно демократический Самарский Комуч. В ночь с 17 на 18 ноября Директорию заменил Диктатор. Совет министров признал совершившийся переворот и передал власть Колчаку. Управляющий делами колчаковского правительства Г.К. Гинс, подводя итоги государственной деятельности демократических правительств, писал о полной несостоятельности профессиональных политиков социалистической демократии, их склонности к демагогии, непрактичности, рабской преданности партии, неспособности отрешиться от подпольных привычек заговорщиков и подняться до государственного кругозора и трезвой оценки положения. Все они - талантливые и посредственные, честолюбивые и скромные - одинаково замкнулись в рамки программы и предписаний ЦК. Приверженность старой доктрине обернулась политикой, обреченной на провал, которую не поддерживали ни широкие массы, ни буржуазно-помещичьи круги, ни офицерство [40].

Демократическими оставались только лозунги, а на практике даже военная власть, по словам министров колчаковского правительства, «не считалась с правительством и творила такое, что волосы становились дыбом» [41]. В итоге из Омска последовал приказ Колчака «пресечь деятельность бывших членов съезда Учредительного Собрания, не стесняясь применением оружия». Как впоследствии сообщал на одном из допросов адмирал, комитет членов Учредительного Собрания мог открыть второй фронт против колчаковских войск, и необходимо было исключить подобную возможность [42].

Большую часть учредильцев арестовали. Екатеринбургской комендатуре было дано даже распоряжение о ликвидации В. Чернова и его товарищей, но их отбили белочехи. Часть учредильцев была переправлена в Омск. Ночью с 22 на 23 декабря из тюрьмы их увели на берег реки

и отправили, на жаргоне колчаковской армии, « в республику Иртыш». Жестокая расправа колчаковцев с «учредильцами» сильно повлияла на эсеров. У них появилось готовность сотрудничать с Советской властью. Фактически этим завершилась и история Комуча. Н.А. Бердяев так оценивал события тех лет: «Только диктатура могла остановить процесс окончательного разложения и торжества хаоса и анархии. Только большевизм оказался способным овладеть положением, только он соответствовал массовым инстинктам и реальным соотношениям» [43].

Социалисты, пришедшие к власти в Поволжье, считали страну не готовой к социализму, а между тем от большевиков им досталось начатая стройка социалистического здания. Большевистскую ликвидацию частной собственности на землю сохранили, а национализацию банков и предприятий - отменили. Социалистические шаги и лозунги отталкивали от Комуча кадетов, промышленников, офицерство, монархистов, а капиталистические - вызывали противодействие сто-

ронников большевиков. Одни были за социализм, другие - за возврат к капитализму. Поиски третьего пути - между социализмом и капитализмом - завели в тупик. Комуч разрушил давление и слева и справа. Не случайно лидеры эсеров, свергнутые Колчаком, называли военные диктатуры большевизмом справа. Противоборство двух типов диктатур, независимо от исхода, усиливало и закрепляло тенденцию тоталитарного развития нашего общества в качестве наиболее вероятной альтернативы. Опыт деятельности Комуча дает возможность обратиться к актуальной проблеме создания современных постоянно действующих демократических механизмов, обеспечивающих диалог власти и масс, способных стать барьером на пути современных тоталитарных тенденций общественного развития.

Библиографический список

1. Государственный Архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 5881. Оп.1. Д.2. Зензинов В.М. Борьба российской демократии с большевиками в 1918 году. Москва. Самара. Уфа. Омск. Л.18.

2. ГАРФ. Ф. 144. Оп. 1., Д. 21. Веденяпин М.И. Отчет Центральному Комитету партии социалистов-революционеров. 29 апреля 1919 г. Л. 213.
3. ГАРФ. Ф. 5881. Оп.1. Д. 2 Зензинов. В.М. Указ. соч. Л. 69.
4. Там же.
5. ГАРФ. Веденяпин М.И. Указ. соч. Л. 4.
6. Приказы Комуча. Самара. 1918. С. 19.
7. ГАРФ. Ф. 6323. Оп. 1. Д. 2. Л. 28-29.
8. ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 2. Зензинов В.М. Указ. соч. Л.76-77.
9. См.: Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. М., 1970. С. 20.
10. Там же С. 45.
11. Майский И. Демократическая контрреволюция. М. - Пг., 1923. С. 127-184.
12. Рабочие и Комуч // Красная быль. 1923. №3 (октябрь). С.35.
13. Там же.
14. Вечерняя заря. 1918. 17 июня
15. Вечерняя заря. 1918. 17 июня.
16. Там же.
17. Там же.
18. См.: Гармиза В.В. Указ. соч. С. 226.
19. См.: Там же.
20. См.: Вестник Комуча. 1918. 3 августа, 4 августа.
21. Всегда вперед (Москва). 1919. 11 февраля.
22. См.: Гармиза В.В. Указ. соч. С. 49.
23. См.: Гармиза В.В. Указ. соч. С. 49.
24. Вечерняя заря. 1918. 17 июня.
25. См., напр.: Вестник Комуча. 1918. 13 июля, 16 июля.
26. Крестьяне и учредилловщина // Красная быль (Самара). 1923. №3. С.57.
27. Вестник Комуча. 1918. 20 сентября.
28. Там же.
29. Вестник Комуча. 1918. 18 сентября.
30. Вестник Комуча. 1918. 19 сентября.
31. Там же.
32. Цит. по: Непролетарские партии России. Урок истории. М., 1984. С. 391.
33. ГАРФ. Ф.674. Оп. 1. Д. 44. Л. 20 об.
34. ГАРФ. Зензинов В.М. Указ. соч. Л. 81.
35. Климушкин П. Д. Борьба за демократию на Волге // Гражданская война на Волге. Вып. 1. Прага. 1930. С.91.
36. ГАРФ. Веденяпин М.И. Указ. соч. Л.12-13.
37. ГАРФ. Ф.5881. Оп. 2. Д. 406. Климушкин П.Д. Легенды о чехословаках. 1925. Рукопись. Л.10.
38. Кроль Л. За три года. Владивосток, 1922. С. 62-63.
39. ГАРФ. Ф.5824. Оп.1. Д.280. Лазарев Е.Е. Письмо Морозову 30 сентября 1919 г. Л. 363; ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 405. Климушкин П.Д. Гражданская война на Волге. Ч.2. Ликвидация демократии. Рукопись. Л.5
40. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Т.1. Харбин, 1921. С.583.
41. ГАРФ. Ф. 5873. Оп. 4. Д. 21. Л. 25. Интервью П. Вологодского в начале 1920 г. в эмиграции в Китае.
42. См.: Протоколы допроса адмирала А. В. Колчака // Архив русской революции. Т.10. М., 1991. С.304.
43. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С.114-115.